

Искусства

ОЛЕГ ЕФРЕМОВ:

Театр без души — простое развлечение

6 сентября Московский Художественный театр имени А.П.Чехова откроет 98-й сезон. Позади долгие и успешные гастроли по волжским городам. Сегодня интересно другое — что впереди? О нынешнем состоянии МХАТа, его перспективах, репертуарной политике мы попросили рассказать его художественного руководителя Олега Ефремова.

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Ирина АЛПАТОВА

— Олег Николаевич, в последние годы жизнь за стенами театра стремительно меняется. И не всегда понятно, в какую сторону. Накладывает ли это отпечаток на внутреннее состояние театра?

— Несомненно. Театр — это ведь такой организм, который непосредственно с сегодняшним днем связан, с людьми. И потому естественно, что любые социальные изменения влияют на его жизнь. Все эти бациллы рынка, которые носятся кругом. Вообще смутное время. Особенно поначалу, помните? Когда были такие спектакли по телевизору, с драками в парламенте. Сейчас уже это вроде бы поднадоело, и зритель начинает возвращаться в нормальные театры. Ну и к нам во МХАТ тоже.

— Как вам кажется, у вас есть сегодня свой зритель? — Помню, когда я пришел во МХАТ в 1970 году, вот тогда там была совершенно определенная публика. Такое чиновничество, совеслужащие, считавшие себя интеллигенцией. Для них эталоном правильного поведения на сцене было, к примеру, если ты оттопырил мизинец, когда ешь. Вот это, значит — Чехов, это — красота. А вот сегодня, должен ска-

зать, я не знаю, что это за зритель. Иногда так заглядываю в зал, вижу — молодые. Это хорошо. Это более содержательная, может быть, связь. Ведь все дело именно в людях, которые приходят в театр. Даже в критиках иногда, которые тоже ходят или нет, а обо всем понаслышке знают. Но вот, мне кажется, что какого-то настоящего зрителя — думающего, ищущего, решающего душевные, духовные, бытийные проблемы, — такого зрителя давно уже нет. Или его мало.

— Скорее, все-таки мало, но он есть.

— Я надеюсь. Надеюсь, что постепенно он будет все прибывать и прибывать, когда в какой-то степени стабилизируется наша жизнь.

— И что бы вам сегодня хотелось предложить этому думающему зрителю?

— Мы уже поставили и Пушкина, и Грибоедова, пытаюсь освободиться от каких-то штампов. Не всегда, правда, это удается и не всегда принимается. Думаю, надо всерьез обновить наш чеховский репертуар. Будут у нас пермонтовский "Маскарад", "Гроза" Островского, "Преступление и наказание" Достоевского, попробуем поставить пушкинские "Маленькие трагедии". Это что касается классики. Хотя, наверное, нужно, чтобы был Тургенев, может быть, и Гоголь. Но это сразу все не поднять.

На Новой сцене покажем спектакль "Готман" по пьесе В.Розова. Будет "Брехтиана, или Швейк во второй мировой войне" — такой образец площадного театра с брехтовскими новациями, зонгами, всяким отвлечением. Понятно, о чем все это — антивоенный в принципе, антифашистский, антитоталитарный спектакль. В наших планах — Ионеско, Н.Путушкина, новый для нас автор. Хотелось бы поставить Вампилова.

— Что вы будете ставить сами?

— Чеховские "Три сестры". Так что, видите, репертуар трудный, серьезный. Но главное-то, как мы все это поставим и сыграем. Ведь время сегодня какое, оно как-то обездушивает людей. А театр без души сразу превращается в простое развлечение, в противовес чему, в общем-то, и возникнул когда-то Московский Художественный. Сейчас такое серьезное дело не модно, что ли. Как у Пушкина в "Евгении Онегине" хорошо сказано: "Лихая мода — наш изъян, недуг новейших россиян". Вот видите... И такого много, а потому даются оценки разные, не всегда понятные. Это тоже мешает, раздражает иногда. Но ничего... Это всегда было.

— Олег Николаевич, в последнее время часто приходится слышать, что МХАТ им.Чехова как бы отгородился от жизни стеной "высокой классики", потерял при этом ту самую очень важную обратную связь со зрителем, которую давала только хорошая современная драматургия.

— С этим я не могу согласиться никак. Во-первых, и классика-то ставится такая,

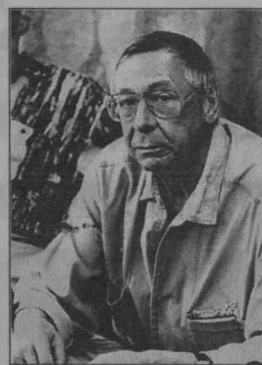
которая, наверное, все-таки поперекликается с сегодняшним днем. А потом, сейчас обязательно надо ставить классику, чтобы в это смутное время не потерять уже приобретенные ориентиры. Не рассыпаться, не развешать то, что накоплено, — и опыт, и понимание, и эстетику. Которые сегодня, наверное, очень трудно будут прослушиваться и восприниматься. А во-вторых, я вам так скажу, мы можем все отодвинуть, если появится хорошая современная пьеса.

— Ее пока нет?

— Такой нет. Хотя, как я уже сказал, что-то в нашем портфеле мы имеем. Сейчас вот В.Гуркин хочет собрать группу молодых драматургов. Но ведь для этого нужно, чтобы существовала и группа режиссеров, которые работали бы совместно с авторами. Как это когда-то было в "Современнике" да и во МХАТе тоже.

— Олег Николаевич, когда читаете о том, раннем Художественном театре, без столетней еще истории, то всегда поражает описание даже не каких-то творческих принципов или уровня мастерства, а то отношение к искусству, театру, как к чему-то главному в жизни, которое было у его основателей. Вот из этих традиций осталась ли что-нибудь в сегодняшнем МХАТе?

— Мало. Я же говорю, что бациллы рынка, смутного времени проникли и в театр. Как-то стало здесь все более практично, прагматично. Сегодня многих гораздо больше заботят вопросы материальные. Ну и "звездность" появилась в театре. Чего я не переносил, потому что Чехова тогда нельзя играть. "Звезда" — это ведь что-то антиансамблевое. И

все-таки я вам скажу, что когда начинается работа, то люди увлекаются. Тут они могут забывать все. И тогда появляется серьезное отношение к своему делу. Не в буквальном смысле "студийное", конечно. Потому что ведь и молодой Художественный театр выдержал, может быть, только пару сезонов такого отношения, не более того.

— А нам остался отголосок красивой театральной легенды?

— Ну конечно. И в начале "Современника" тоже такое случалось, когда мы перераспределяли зарплату, например. Потому что считали, что сами можем оценить себя, а не кто-то там со стороны. Это была, быть может, даже некая игра в высокую справедливость в искусстве. Ведь что такое театр? С одной стороны, это вроде бы поэзия, интуиция, вдохновение. А с другой — работа, и довольно черная. Да и не только театр. Наверное, и в любом искусстве так. Ведь художник тоже сколачивает себе рамы, краски смешивает. Везде есть соединение одного с другим. Вот потому и должна быть прежде всего работа интересная.

— В этом году будет 25 лет, как вы во МХАТе. Юбилей? — Да как сказать? А что такое "Современник"? Это же была в те годы студия Художественного театра.

— То есть вы, по большому счету, одно от другого не отделяете? — Нет. Я вот как в шесть лет попал в особняк одного из основателей МХАТа В.Лужского, так с тех пор меня судьба с этим театром и связала.

— Сегодня вы ощущаете себя в нем хозяином? — Да вы знаете, я как-то ни-

когда "хозяином" быть не хотел.

— Наверное, слово не очень точное. Чувствуете ли, что находитесь в окружении единомышленников?

— Такое тоже вряд ли возможно. Иногда это возникает в какой-то работе. Но вот чтобы целиком... Есть, наверное, какие-то общие ориентиры. Но конкретные представления у всех довольно разные. Другое дело, что иногда очень огорчают какие-то вещи — недисциплинированность, "наплывизм" у некоторых. А так в основном живешь, наоборот, с ощущением бесконечной ответственности. И если хочите знать, то человек устает-то ведь от этого. Не от работы. Работа как раз что-то в тебя вселяет. Вот у Володина есть такая фраза: "Гибну под грузом невыполненных обещаний". Понимаете, если, например, драматург принес в театр пьесу, то он будет просить, чтобы обязательно ее прочитал я, а не литературная часть. Поэтому у меня на столе всегда стопка пьес, которые надо прочесть. А нужно ведь еще что-то смотреть, чтобы быть в курсе. Я вот уже несколько лет, например, в консерватории не был. Это же ужас. А просто нет времени...

— В этом году вы набирали курс в Школе-студии МХАТа. С прицелом на будущую актерскую смену? — Обязательно. Сейчас ведь наша главная проблема — это молодые. Важно, о чем они будут думать, какое искусство им окажется ближе.

— Это возможно распознать заранее? — Скорее интуитивно почувствовать. Видишь ведь, кто поумнее, восприимчивее.

— Помимо молодежи, какие из проблем, связанных с нынешним состоянием Художественного театра, кажутся вам важными? — Думаю, что нужно нам, конечно, какие-то критерии повышать. Мы слишком иногда смиряемся с не очень-то сделанными работами. Порой хвалим сами себя, хотя, быть может, стоит еще что-то найти и сделать. Вот в этом направлении надо двигаться. А "руин" у нас пока нет. Вот это точно.